

СУММЫ И ИМЕНА

Над «февральским совещанием» Гельфанда в Министерстве иностранных дел с самого начала витает нечто очень таинственное. В обширных актах Пб нет протокола встречи, даже его копии, нет сообщения, нет пометок на полях. То обстоятельство, что официально ничто не фиксировалось, должно быть, было очень на руку Гельфанду.

Со времени его крупных сделок с оружием в Турции он испытывает ужас перед любыми письменными свидетельствами. С другой стороны, однако, ему нужно какое-то подтверждение договоренностей, которые для него очень важны, чтобы он мог вступить в большую политическую сделку с немцами.

Гельфанд пишет меморандум на 23 страницах, который он представляет всего через несколько дней после своего совещания в Министерстве иностранных дел. Там стоит дата 9 марта 1915 г. Гельфанд содержательно обобщает то, что считает нужным. Если после этого со стороны Министерства иностранных дел не последует возражений, он может рассматривать это как косвенное подтверждение своих, а тем самым и немецких планов.

Основные мысли его меморандума касаются германской, «кайзеровской» программы революционизации, направленной против российской царской системы. Частью ее является программа по периферийным государствам, охватывающая очень большую территорию от Северной Финляндии до Южного Кавказа. В этих рамках Гельфанд отдает предпочтение двум периферийным государствам — Украине и Финляндии, где он видит наиболее сильные антицаристские национальные сепаратистские силы с их целью достижения самостоятельности. Самый короткий и относительно надежный сухопутный путь к революционному центру Петрограду, чтобы «снять с апельсина корку», — это, по Гельфанду, путь через Финляндию. Гельфанд указывает на то, что легче всего доставить контрабандой в российскую столицу оружие и взрывчатку через финскую границу. Это он фиксирует на бумаге.

Гельфанд никоим образом не думает только о политической пропаганде, о листовках и газетах, о забастовках и внут-

ренних волнениях, которые он хочет устроить, — он целенаправленно принимает в расчет и саботаж, например взрывы железнодорожных мостов, и рекомендует использовать агентов, чтобы поджечь нефтяные источники под Баку, на закавказской периферийной территории. Он уже видит всполохи пламени революции в стране огнепоклонников Заратустры.

Его стратегию поджогов и бомбометания, о которой охотно умалчивает как германская, так и российская сторона, подтверждает документ А 13938 Министерства иностранных дел. В нем Берлин 18 апреля 1915 г., всего лишь через 8 недель после февральского совещания, лаконично информируется кайзеровской германской миссией в Румынии сообщением под № 150, которое доставляется надежным курьером — «королевским фельдъегерем»:

Д-р Гельфанд-Парвус считает, что саботаж в российском Донецком угольном бассейне можно организовать не из Румынии, а скорее через Стокгольм—Петербург, хотя дело это сложное. Я советую поговорить с ним об этом деле в Берлине. Он предположительно завтра едет через Вену в Швейцарию и затем через Берлин в Стокгольм.

Подпись: фон Бусие.

Гельфанд участвует всюду, где что-то затевается против царской Великороссии. Он постоянно курсирует между Скандинавией, Берлином, Швейцарией, Софией, Бухарестом. Его личные знакомства и связи с кайзеровскими дипломатами оказываются чрезвычайно полезными.

В Берлине поражены энергией Гельфанда, который хочет устроить на нейтральном Севере, в столице Дании Копенгагене, свою постоянную резиденцию, свой центр, а в Стокгольме — его филиал. Наряду с созданием организации и оплатой его агентов, уже одно это стоит много денег. Нужны большие суммы — миллионы. То 2, то 4, то 10 миллионов. Иной раз экстременно — и промежуточные полмиллиона. Так, статс-секретарь Имперского казначейства Гельферих сообщает 11 марта 1915 г. в главную имперскую кассу для исполнения:

I. 2842.

Секретно!

Министерству иностранных дел в главе б расходов чрезвычайного бюджета, раздел VII, выделяются дополнительно 4 000 000 м.

В машинописную копию от руки вписано распределение миллионной суммы:

2 млн на пропаганду в России (AS 919)

2 млн для целей особого шантажа (AS 804)

О миллионных суммах информируют друг друга Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, Имперская канцелярия и Имперское казначейство, суммы согласуются различными их кассами и переводятся со счета на счет. Об этом имеются подтверждения. Например, в форме сообщения депозитной кассы А Дойче Банк, находящейся в Берлине, на Маузерштрассе 26–27:

Господину Фрицу Фрелиху, Вильгельмштр. 62 [Министерство иностранных дел].

Позволяем себе уведомить Вас, что мы по Вашему дальнейшему счету получили здесь из посольской кассы Министерства иностранных дел 500 000 марок, курс на 25 [марта 1915 г.], и занесли вышеуказанную сумму на Ваш депозитный счет.

*С глубоким уважением
Дойче Банк*

Кроме того, Фрелих из Министерства иностранных дел сообщает своему коллеге, внешнеполитическому советнику фон Бергену, что Гельфанд сверх этих полумиллиона марок «хочет иметь намного больше в связи с текущими курсовыми потерями при обмене денег в различных странах». Действительно, менять приходится много — всюду, где действуют по согласованной в Берлине германской «программе революционизации» агенты Гельфанда. Это тоже стоит денег, очень

много денег, как Гельфанд намекнул еще в феврале. И Берлин платит.

Уже через день после получения денег от Дойче Банк Фрелих пишет:

*В Министерство иностранных дел,
лично императорскому германскому посланнику господину фон
Бергену.*

Касается д-ра Александра Гельфанда-Парвуса.

Дойче Банк уведомляет меня о переводе дальнейших 500 000 марок; письмо я здесь прилагаю.

Позволю себе сослаться на мое покорное послание от 20 марта, где я отметил, что господин д-р Гельфанд требует в целом суммы в один миллион, включая особые курсовые потери, так что текущие курсовые потери в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе плюс дополнительные накладные расходы должны лечь на наш счет.

Покорнейше прошу дать Дойче Банк соответствующее указание, чтобы я еще мог позволить господину д-ру Гельфанду указать разницу.

*Преданный Вам.
[подпись] Фрелих*

Социал-демократ Гельфанд не хочет нести убытков, включая курсовые потери, в своей большой политической сделке, он желает получать прибыль. И дела у Гельфанда идут очень хорошо.

Берлин платит беспрепятственно и терпеливо, ведь такая политическая авантюра, как революция, и пышный стиль личной жизни с приемами и торжествами требуют финансового великодушия.

Тонкое чутье Гельфанда на все практическое и необходимое обращает его взор на нейтральную Скандинавию, на Копенгаген, куда он переносит в начале июня 1915 г. из Цюриха место своего проживания и деятельности. Он арендует виллу с обширным участком на респектабельной Водроффсвей. Дом велик, выглядит массивно и свидетельствует о состоятельно-

сти жильца. Все в нуоришском вкусе Гельфанд. За 16 000 крон, в эти военные годы не такая уж малая сумма, он покупает роскошный немецкий автомобиль марки «Адлер». Помимо обычного набора рабочих для услуг по наведению чистоты, поддержанию порядка и сервировке он, для соответствующего его положению антуража и охраны большого владения, заводит себе, кроме того, несколько дорогих породистых собак.

В Берлине нужна вторая, меньшая квартира, ведь ему часто приходится бывать в центральных ведомствах, у источников, из которых текут ему деньги. Правда, когда он общается с единомышленниками по своей революционной путчистской политике, с доверенными лицами или соперниками, он предпочитает в качестве места встреч респектабельные отели столицы Второго рейха.

Конечно, когда он теперь дает аудиенции в отеле «Кайзерхоф», самом известном в правительственном квартале в районе Вильгельмштрассе, это смущает некоторых его бывших немецких соратников по борьбе за социальную справедливость, которым атмосфера вокруг их старого единомышленника в отельных апартаментах кажется, по меньшей мере, своеобразной и необычной. Но было бы глупо обращать на это внимание. Он ведь все-таки ведет переговоры и действует по высохшему поручению.

Ходят слухи, свидетели якобы сообщают, что Гельфанд, сам по росту совсем не карлик, постоянно окружен во время своих многочисленных поездок поразительно высокими блондинками. Почти забытая кличка «Товарищ слон», которую придумали дети Каутского, жившие прежде по соседству, вновь входит в моду.

Гельфанд, где бы он ни жил, гостеприимен и неизменно великодушен. Во всем его поведении чувствуется убеждение, что за деньги можно все купить, все организовать и всего достичь. За большие деньги, разумеется. Прошли времена, когда он, российский социал-демократ, был вынужден ходить по германским улицам в обуви с протертой подошвой и в поношенной одежде. Скудные гонорары за его бесчисленные статьи в газетах и брошюрах не позволяли тогда развернуться.

Некоторые его старые единомышленники вскоре начинают соблюдать дистанцию. Троцкий называет Гельфанд «политическим Фальстafом», намекая на его массивное тело и изменившиеся взгляды. А Бухарин резко отвергает любые попытки Гельфанда к сближению, он даже называет его «слугой сатаны».

Не обращая на все это внимания, Гельфанд расширяет свой бастион в Копенгагене. В доме по Нерре-Вольгдаде, 15 он организует свою новую штаб-квартиру, которую вносит в датский торговый регистр как «Торговую и экспортную компанию АО» (Handels- og Eksportkompagniet A/S). Здесь он за кратчайшее время создает впечатляющий центр связи для политических и торговых агентов, место встреч и расставаний, пересыльный пункт для людей и пакетов, мозговой центр обширного заведения политической торговли.

Почти как пересказ содержания «Трехгрошовой оперы» Брехта в театральной программе читается официальный доклад от 6 августа 1915 г. о достигнутом за короткий срок. В актах кайзеровской миссии в Копенгагене под грифом «Гельфанд» читаем:

В созданной господином д-ром Парвусом организации занято в настоящее время 8 человек в Копенгагене и около 10 человек, которые ездят в Россию. Работа служит тому, чтобы вступать в контакты с различными лицами в России, т. к. необходимо объединить разные движения, возникающие в России. Из центра в Копенгагене поддерживается постоянная переписка с лицами, связи с которыми установлены агентами. Господин д-р Парвус предоставил в распоряжение организации средства на административные расходы, которые используются очень экономно. До сих пор удавалось вести все дело так деликатно, что даже господа, работающие в вышеупомянутой организации, не замечают, что за всем этим стоит наше правительство. Уже обратило на себя внимание, что П. расходует столько денег на цели партии. Это можно делать незаметно, если некоторые сделки будут совершаться экспортной фирмой, связанной с бюро. Я обсудил с господином д-ром Гельфандом различные предложения на этот счет.

- Такое сообщение об успехах стало необходимым ввиду массы денег, которые в последние недели и месяцы щедро текли к Гельфанду. Позитивные результаты должны доказывать, что средства вложены эффективно и с надеждой на успех. Документ А 20654 Министерства иностранных дел показывает, кроме того, что средства для Гельфанда использовались далеко не только на подстрекательские листовки и другие печатные материалы, но и на настоящую взрывчатку. 1 июля 1915 г. Ганс Штейнвакс из политического сектора Генерального штаба сообщает:

*Его Высокоблагородию,
императорскому посланнику
господину действительному тайному советнику посольства
д-ру фон Бергену,
Министерство иностранных дел.*

Позволю себе представить в приложении отчет Вашему Высокоблагородию о переведенной господину Фрелиху 28 апреля в Дойче Банк через посольскую кассу сумме 73376 м. Указанная, подсчитанная по заявке в Дойче Банк сумма вытекает из курсовых потерь, которые понес д-р Гельфанд в Стокгольме, т. к. в свое время ему выплатили миллион бумажными деньгами, а не золотом.

Поскольку Дойче Банк по другим поводам неизменно предлагал мне самое невыгодное соотношение курсов, я для проформы попросил другие банки представить мне расчеты по той же сумме и на то же время, и наиболее выгодный вариант с учетом разницы, подлежащей доплате, составлял 68250 м. Д-р Гельфанд сначала считал, что эту разницу ему нужно выплатить золотом или же с соответствующей надбавкой, но затем заявил о согласии с моим расчетом.

Согласно отчету, в моем распоряжении имеется еще 5218 м. (пять тысяч двести восемнадцать марок), об использовании которых я покорнейше запрашиваю решение Вашего Высокоблагородия. Быть может, допустимо оплатить из этой суммы дополнительные типографские и транспортные расходы по возвозаниям для России, весь тираж которых, видимо, будет отправлен в конце будущей недели, а также предварительную работу по запланированному складированию в Копенгагене необходимых Гельфанду взрывчатых веществ.

Перемещение взад-вперед миллионных сумм со счетов и фондов одного ведомства на счета и фонды другого для соблюдения фискальной компетенции становится иногда довольно сложным из-за необходимых попыток по возможности скрыть от общественности подлинные источники денег. Это требует от всех причастных инстанций фантазии и организаторских способностей.

При жажде Гельфанда к деньгам, выглядящей неутолимой, какой-то источник может однажды иссякнуть или бывает необходимо срочно переориентировать денежный поток. Такую просьбу о переориентации фондов демонстрирует документ, написанный из-за спешки от руки:

Статс-секретарю Имперского казначейства.

В собственные руки. Срочно. Секретно.

Для целей пропаганды [«целей» позднее зачеркнуто] в России здесь необходимы пять миллионов марок. Поскольку эта сумма не может быть покрыта из имеющихся в распоряжении фондов, я прошу Ваше Превосходительство соизволить предоставить мне эту сумму за счет ст. VI, разд. II, чрезвычайного бюджета. За любезное, по возможности скорое, [«по возможности скорое» позднее зачеркнуто] сообщение о принятом решении я был бы особо благодарен Вашему Превосходительству.

Статс-секретарь.

Выбор фигур для большой германской «программы революционизации» России происходит на политическом рынке в условиях неопределенности спроса и предложения — как и всюду, где ведется торговля. Секретные указания, рекомендации и предупреждения зачастую повышают или понижают рыночную цену покупаемого товара — человека, а тем самым и стремление покупать.

По той же схеме, по которой посланником германского кайзера в Константинополе был нащупан, открыт, оценен в денежной форме и затем, недолго думая, закуплен для любезной экспертизы вышестоящими ведомствами в Берлине по-

литический товар «революционер Гельфанд», от германского посланника в Берне также поступает в центр, в столицу Рейха, рекомендация из Цюриха, центра российских эмигрантов в Европе.

Подлежащий закупке человек, как и Гельфанд, отзывается на имя Александр, однако его фамилия Кескюла указывает скорее на Прибалтику. Это все время подчеркивает эстонец Кескюла при первых зондирующих беседах, прежде чем германский посланник в Берне, барон фон Ромберг, рекомендует его Берлину. Обнаруженный примерно в то же время, что и Гельфанд, Кескюла как лицо и прежде всего как личность принадлежит к совершенно иному покрою. Он не выглядит столь мелочно алчным до денег, как Гельфанд, его поведение можно назвать скорее «джентльменским». Он создает впечатление, что деньги, которые для конспиративной работы по поручению немцев ему, конечно, нужны, имеют для него лишь второстепенное значение. Брать их вообще кажется ему по-чти неволовким.

Этот наигранный образ мыслей проясняет сообщение посланника фон Ромберга рейхсканцлеру фон Бетман-Гольве-гу от 14 марта 1915 г. Человек все же кажется посланнику столь ценным, что он не только сообщает Министерству иностранных дел о его предстоящем прибытии, но и очень заботливо просит об определенных предохранительных мерах по маршруту Кескюлы. Выбранный им человек, прибывающий из Швейцарии, должен быть отправлен для предварительной беседы в Берлин, в Министерство иностранных дел, а затем, через паромную переправу в Заснице, в Стокгольм. Там, в столице нейтральной Швеции, находится запланированное для его действий место, из которого он должен плести свои политические нити в Петроград. Сосватанная ему недавно привлекательная швейцарская женщина тоже должна поехать с ним в Швецию. Это произведет солидное, боргерское впечатление на тамошние инстанции, считают германские ведомства.

Сложное дело Кескюлы требует, прежде всего из-за установления надоевших финансовых компетенций берлинских ве-

домств, личного благословения рейхсканцлера. Посол телеграфирует:

Его Превосходительству рейхсканцлеру господину фон Бетман-Гольвегу

Совершенно секретно

Эстонец Кескюла получил известие, что Блауберг прибыл в Россию. Два письма от него ожидают Кескюла в Стокгольме. Поэтому он в течение этой недели отправится через Берлин в Стокгольм и по пути посетит Министерство иностранных дел. Поскольку он точно знает, что за ним наблюдают русские шпионы, я для поездки в Стокгольм выписал ему паспорт на имя Александра Штайна, а его жене, молодой щвейцарке, на которой он недавно женился, — таковой на имя госпожи Луизы Штайн, урожд. Бергман. Он сообщит мне день своего отъезда, о котором я телеграфно проинформирую Ваше Превосходительство. Просил бы соответственно проинформировать германские пограничные службы. Паспорт будет вновь отнят у обоих в Заснице или Стокгольме, о чем я сказал Кескюле.

В то время как Гельфанд беззастенчиво и беспрерывно, совершенно независимо от того, с кем и с каким ведомством он говорит, требует для тайного предприятия несметные суммы немецких денег, Кескюла проявляет себя совсем с другой стороны. Он делает вид, что испытывает даже моральные сомнения, т. к., возможно, не сумеет возвратить выплаченные авансом деньги. Его успокаивают. — Так играется игра, которой владеют все участующие стороны. Во всяком случае, посланник в Швейцарии описывает Кескюлу почти как моральное чудо, как человека, достаточно редко встречающегося среди этой профессии:

У меня также по-прежнему создается впечатление, что он — абсолютно лояльный и честный человек. Его главная забота в данный момент — как он сможет когда-нибудь вернуть полученные 10 000 м., которые он считает личным долгом, — может ли он, например, принимать деньги в дальнейшем, не опускаясь до роли купленного агента.

Собственно, это должно бы настраивать скорее на скептический лад. Но и язык секретных досье разведывательной политики сближается иногда со столь популярным в то время языком Марлит и Хедвиг Куртс-Малер начала века. Правда, в дальнейшем кайзеровский дипломат существенно более деловым образом подходит к главной теме:

Его сообщения из российских революционных кругов звучат все оптимистичней. Согласно им, ок. 8 дней назад в Берне состоялась совершенно секретная встреча 10 российских революционеров из Франции и Швейцарии под руководством известного Ленина, которые все, кроме одного, высказались за поражение России. [...]

На революционеров в России, среди которых Ленин все еще пользуется высочайшим авторитетом, известие о его позиции произведет сильное впечатление; не в меньшей мере оно повлияет на тысячи русских, живущих во Франции.

Кескюла думает и о национальных меньшинствах, которых необходимо мобилизовать для свержения царского режима в так называемом периферийном государстве Российская Польша. Посол цитирует политические советы Кескюлы:

Кескюла советует еще больше пытаться мобилизовать еврейство против России. Самое надежное средство — обещать в перспективе освобождение польских евреев и восхвалять заслуги, которые они уже имеют в нашем деле. Это вызовет более резкие меры российского правительства против евреев и, тем самым, опять же протесты еврейства во Франции, в Англии и Америке. [...]

Более подробно о своем плане действий Кескюла лично доложит в Берлине.

Кескюлу расценивают как важную фигуру. Всего 4 недели спустя посланник направляет из Берна зашифрованную телеграмму в Министерство иностранных дел, чтобы обезопасить пересечение Кескюлой границы. В соответствующем документе об этом говорится:

Расшифровка

Четверг вечером или пятницу утром Кескюла под именем Александра Штайна едет назад Берлин через Шафгаузен-Зинген. Прошу проинформировать границу. Ромберг.

От руки на листе с расшифровкой, датированной 15 апреля 1915 г., из Берлина через ведомство в Карлсруэ поступает указание, что

эстляндец [sic!] Кескюла [...] под именем Александра Штайна [едет] через Шафгаузен-Зинген в Берлин. Прошу распорядиться об информировании пограничных служб и позаботиться о беспрепятственном проезде.

Опекаемый таким способом Кескюла, он же Штайн, без проблем пересекает границу и благополучно прибывает в кайзеровскую столицу Берлин. Беседуют ли с ним в здании Генерального штаба на Мольткештрассе или он встречается с офицером в другом месте?

Достоверно известно, что шеф отделения секретных служб III политического сектора Рудольф Надольный, призванный с началом войны как представитель Министерства иностранных дел на этот военный пост для тесного сотрудничества между Министерством и Генеральным штабом, направляет с берлинской Мольткештрассе, 8 в Министерство иностранных дел, на Вильгельмштрассе, 75–76, 8-страничный доклад Генерального штаба армии, отделение III, от 3 мая 1915 г. под номером № Pol. 1479, с грифом «секретно».

Этот документ приобретает значение, которое невозможно переоценить, ведь он отвечает на столь важный для немцев вопрос: какую из двух «революционизируемых» группировок в России – меньшевиков или большевиков – имеет больше смысла поддержать?

Кескюла отмечает в разделе «Организованность и денежные средства» своего строго доверительного доклада: «Сильной стороной Ленина являются организаторские способности. Жесткая централизация. Сравнительно лучшая среди

российских организаций. Как ни странно, всегда имеет деньги».

В разделе «Активность» он дополняет: «Ленин обладает самой жестокой и беспощадной энергией. Его бессовестное и беспощадное безрассудство является оборотной стороной восточной дипломатии России».

А еще в одном месте его анализа говорится: «Фракция Ленина быстрее всех национально-русских революционных организаций прошла путь к самой радикальной оппозиции».

Кроме того, Кескюла рекомендует в своем анализе направить необходимые громадные денежные суммы фракции большинства российской социал-демократии – большевикам, а не меньшевикам.

В его анализе всех антицаристских группировок и группок в гигантской Российской империи приведены всевозможные диверсионные и деструктивные элементы – от Северной Финляндии через Эстляндию, Литву, Российскую Польшу, Украину до Южного Закавказья.

В отношении многих этих сил Берлин, если речь идет о деньгах, ведет себя сдержанно – то более, то менее. Так, Надольный 17 апреля 1915 г. возвращается из Генерального штаба в Министерство иностранных дел материалы, касающиеся денежных нужд некоего Думбадзе на кавказском операционном поле:

Секретно. 2 приложения

Приложения к любезному письму от 15 с. л. – A 12965 – настоящим покорнейше возвращаются Министерству иностранных дел.

Здесь пока нет склонности уплатить Думбадзе затребованные 50 000 рублей, т. к. не имеется уверенности в том, что он действительно сорвал или сорвет американские поставки в Россию в наших интересах, и т. к. деньги должны служить также кавказскому делу. [...]

В остальном можно предложить ему, если он хочет предоставить в наше распоряжение свои услуги для военных целей и может считаться надежным, направить письмо в Стокгольм, по-

чтовый ящик 257, после чего господин Вальтер свяжется с ним. Он же отдаст дальнейшие распоряжения, например, о требуемых денежных затратах.

[Подпись] Надольный

Рудольф Надольный – способный человек, которого Министерство иностранных дел сразу же после начала войны смогло устроить в Генеральном штабе (и который, кстати, много позже, после 1933 г., станет германским послом в Москве). Сотрудничество между Надольным и внешнеполитическим советником Отто-Гюнтером фон Везендонком из политического отделения Министерства иностранных дел, который держит там в своих руках проблему «Подстрекательство к мятежу российских национальностей», также протекает отлично. Для Надольного в сотрудничестве с Министерством иностранных дел преимуществом является тот факт, что важнейшие зарубежные посты в команде посланников заняты превосходными знатоками России, уделяющими особое внимание внутрироссийскому развитию в связи со «стратегией апельсиновой корки» или, выражаясь серьезней, с германской политикой в отношении периферийных государств. Внешнеполитический советник фон Везендонк в Министерстве иностранных дел может положиться на свою фалангу способных военных дипломатов: на уроженца Прибалтики барона Гизберта фон Ромберга в Берне, в непосредственной близости от российского эмигрантского центра в Цюрихе с Лениным и его людьми, на графа Ульриха фон Брокдорф-Ранцау в Копенгагене и барона Люциуса фон Штедтена в Стокгольме. Брокдорф-Ранцау и Штедтен отвечают в нейтральных странах, где они служат, за «северную линию» в Петрограде, так называемое «Северное подполье» (Northern Underground). Напротив, германский императорский посланник при Высокой Порте в Константинополе, барон Ганс фон Вангенгейм, чувствует себя ответственным за подстрекательство к мятежу на юге – на Украине и в Закавказье.

О Ромберге, «прибалте», сообщают, что при очень успешно протекающих секретных беседах со своими доверенными лицами он охотно использует интимное выражение «мы, рус-

ские». Германские дипломаты, помимо соответствующей политической договоренности, умеют устанавливать со своими собеседниками и личные, человеческие связи. Так, фон Штедтен узнает, например, что Кескюла открыл российскому посланнику в Стокгольме свою самую тайную конечную цель — создание своего рода особой «балтийской» федерации в составе Эстляндии, Финляндии и Швеции в качестве сильного форпоста против России. Фон Штедтен наилучшим образом информирован о частных и политических встречах на элегантной вилле Кескюлы, находящейся у прекрасного Стокзунда, к северу от Стокгольма. Прибытие карет и автомобилей регистрируется в благородном квартале столичных вилл педантнейшим образом, и к тому же жена Кескюлы, красивая молодая швейцарка, как хозяйка является неисчерпаемой темой для пересудов.

Слухи о разоблачении Кескюлы становятся привычной лакомой темой для каждодневных сплетен: говорят, что Кескюла передал по квитанции деньги влиятельному большевику по фамилии Багровский и находится в теснейшем контакте со служащим российского страхового общества в Стокгольме. Оба они — оплаченные агенты германского Генерального штаба. Говорят, что об этом разузнал некто Бухарин, русский лидер фракции большевиков.

Сплетни и конспирация в эти военные времена превосходно дополняют друг друга. Одни называют Кескюлу российским шпионом, другие говорят о нем как о германском шпионе. Уважаемый архиепископ из Упсалы, известнейшего и старейшего университетского города Швеции, расположенного к северу от Стокгольма, великодушно соглашается на роль любезного посредника и заявляет, что Кескюла, по его мнению, является прежде всего независимой политической личностью и не принимает приказаний ни от одной из сторон.

Хотя приказаний он, возможно, действительно не принимает, денег из Берлина Кескюла принимает немало. Кайзеровский посланник фон Штедтен сообщает германскому рейхсканцлеру 25 июня 1915 г.:

Секретно. Расшифровка.

Кескюле для пропагандистских целей выплачено 1560 рублей. Сумма указана в квитанции о сегодняшнем снятии со счета посольской кассы, на основе распоряжения от 9 февраля с. г. № 22, 5198 м. или 4000 крон, по курсу 76,95.

Люциус.

А небольшой промежуточный доклад от 8 мая 1916 г. господина Штейнвакса из политического отделения Генерального штаба Германии внешнеполитическому советнику д-ру фон Бергену из Министерства иностранных дел называет следующие суммы:

Ваше Высокоблагородие дали тогда, в декабре 1915 г., согласие еще на 60 000 марок, которые должны были быть выплачены господину Кескюле за три месяца, по 20 000 м. в месяц, для пропаганды в России. Мне удалось выплатить из них 50 000 м. за счет экономии от кредита в размере 130 000 м. Оставшиеся 10 000 м. я тем временем выплатил в основном из собственных средств. [...]

Тотчас и в последующие недели и месяцы необходимо найти более крупные суммы для следующих предприятий:

Во-первых, Кескюлу, который именно в последние месяцы установил многочисленные новые связи с Россией, не раз направлял в Россию скандинавских социалистов, давая им рекомендации лицам, которые настолько информировали их о положении в России, что опубликованные ими позднее сообщения привлекли внимание в различных социалистических кругах Северных стран, который далее поддерживал очень ценную связь с Лениным [Lehnin вместо Lenin, sic!] в Швейцарии и информировал нас относительно докладов о ситуации, переданных последнему его доверенными людьми в России, необходимо и в будущем снабжать соответствующими средствами. С учетом чрезвычайно неблагоприятного соотношения курсов валют, видимо, как раз хватило бы месячной поддержки в размере 20 000 м.

В промежуточном докладе господина Штейнвакса после Кескюлы, «номера один» конспиративного предприятия, на-

званы еще: 2) агент Личев (Litcheff), 3) агент Клейн, 4) типография в Стокгольме, 5) доклады Думы и 6) затраты на более мелкие операции, поездки и т. д., а затем подведен итог:

Поэтому я прошу Ваше Высокоблагородие дать согласие и предоставить следующие суммы: 1) Кескюле, на остаток марта, апрель, май, июнь 70 000 м.

[следуют позиции 2–6]

Итого: 130 000 м.

о переводе которых в Дойче Банк, депозитная касса А., я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие.

Штейнвакс [подпись]

Так дипломатические представители кайзера превращаются для господ Гельфанд, Кескюлы и других в долгожданных денежных посланников.

Правда, Кескюла своей именной рекомендацией правительству Германского рейха о том, чтобы среди широкого набора антициаристских группировок сделать ставку на революционера Ленина, достиг исторического апогея в агентурной работе на немцев. Далее он будет находиться в основном на заднем плане политической арены. Напротив, Гельфанд, как звезда сцены, пробирается все дальше вперед. Вплоть до рампы, так сказать.

ТОРГОВЛЯ ГЕЛЬФАНДА СМЕШАННЫМИ ТОВАРАМИ

В сером военном 1915 г. ни одна толкушка не могла бы продемонстрировать того пестрого многообразия товаров, которые выставляет на продажу «Торговая и экспортная компания, АО» Гельфанд. Каталог товаров предлагает все — от дамских чулок до важных для войны благородных металлов оптом и в розницу. Черная икра, коньяк и презервативы; подержанные автомобили и рыболовецкие суда; медь, никель, олово, хромистое железо; китовый ус для дамских корсетов и аспирин, сальварсан для зараженных сифилисом солдат царской армии; термо-